

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ВАЛЬДЕМАР ПФАФ – ПРЕДШЕСТВЕННИК В. Ф. МИЛЛЕРА В НАУЧНОМ ОСЕТИНОВЕДЕНИИ*

Л. А ЧИБИРОВ

Ученый и Человек, о котором пойдет речь ниже, – значительное явление в истории и культуре осетинского народа, личность весьма интересная, но во многих отношениях еще и не распознанная. Как это нередко бывает, его имя помимо определенных кругов нашей интеллигенции мало кому ведомо, хотя вклад, внесенный им в научное осетиноведение, весьма существенный.

Имя этого человека – Вальдемар Борисович Пфаф.

При внимательном рассмотрении трудов выдающихся русских ученых В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского становится ясно, что из всего предшествующего наследия, накопленного к тому времени в научном осетиноведении, эти крупные исследователи наиболее часто ссылаются на труды В. Б. Пфафа, особенно на его полевые экспедиционные изыскания. Но разве только они? В. Б. Пфаф – самый цитируемый автор; практически нет ни одной стоящей книги по истории, этнографии, юриспруденции, фольклору осетин, в которой бы не было ссылок на труды В. Б. Пфафа и притом – во множестве раз.

* Статья представляет собой доработанный вариант доклада, прочитанный на пленарном заседании II Всероссийских Миллеровских чтений «В. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения», состоявшихся в СОИГСИ 7-8 октября 2010 г.

Чем это вызвано, почему такое предпочтение В. Б. Пфафу, в чем его преимущества перед другими авторами? На эти вопросы я постараюсь ответить ниже.

Без всякого преувеличения В. Б. Пфаф – первый профессиональный этнограф-осетиновед. И до него писали об осетинах, появлялись статьи в периодической прессе. Но их авторами были люди, не выезжавшие на места за сбором этнографического материала, авторы, которые зачастую черпали сведения из вторых рук, либо их материалаы порою представляли собой перепевы ранее опубликованного другими авторами. Иные требования и к себе, и к методам научного исследованияставил перед собой взыскательный Вальдемар Борисович. Но вначале – некоторые биографические сведения.

К сожалению, анкетные данные о В. Б. Пфафе не сохранились; мы даже не знаем, когда он родился и покинул сей мир. Известно, что в 1858 г. он окончил славившийся до революции Лейпцигский университет, его историко-этнологическое отделение. Затем он выехал в Россию и в течение двух лет (1859-1861) был служащим Петербургской публичной библиотеки. В 1862 г. на юридическом факультете Юрьевского университета сдал экзамен на степень кандидата правоведения. Его статьи по гражданскому праву публиковались в «Юридическом вестнике». Спустя три года (1865) В. Б. Пфаф защищает докторскую

степень по правоведению в Одесском университете.

В 1869 г судьба забросила Вальдемара Борисовича к нам, в Осетию. Здесь он пребывал три года в качестве учителя истории Владикавказской реальной гимназии. В 1871 г. В.Б. Пфаф перебрался в Тифлис, где продолжил учительское дело в городской прогимназии. В Тифлисе же он избирается действительным членом Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (КОИРГО). Известно также, что в 1873-1874 гг. В.Б. Пфаф служил помощником мирового судьи, заведующим Сванетским участком. На этой службе, в состоянии умопомрачения, Вальдемар Борисович сжег следственные дела и был помещен в Кутаисский военный госпиталь. С 1876 г. В.Б. Пфафа уже нет в Тифлисе, и о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Во владикавказский период жизни В.Б. Пфаф как ученый увлекся Осетией и осетинами. При этом не желая быть похожим на собратьев по перу, писавших об осетинах «большею частью понаслышике», он в продолжение трех лет полностью посвятил себя всестороннему исследованию истории и культуры осетин. Материалы по древней истории алан-осетин он черпал в архивах, в сочинениях греческих, римских, византийских, арабских, грузинских, русских авторов, прочел и перелистал целую библиотеку историко-этнографического характера по Кавказу. Хорошая вузовская подготовка, владение немецким, русским и классическими языками, эрудиция, широкое знание античных источников о Кавказе – все это способствовало ускоренному освоению истории края.

Поставив целью познакомиться с бытом и культурой осетин на местах, В.Б. Пфаф, параллельно с изучением существующей литературы в библиотеках, совершил три продолжительные экспедиции по Северной и Южной Осетии и сопредельным им территориям. При этом объектом для исследования он выбрал высокогорные и предгорные районы центральной части Северной и Южной Осетии, оказавшись

первым, кто провел основательную экспедиционную работу в большинстве осетинских сел (см.: [1; 2; 3]). Собранный материал оказался добротным: та часть трудов, в основу которых положены полевые изыскания автора, является уникальной и особенно ценной.

Как исследователь-полевик В.Б. Пфаф был первопроходцем, пионером, не имевшим равных среди современников, за исключением Всеволода Федоровича Миллера, продолжительность пребывания которого в Осетии и чей общий уровень подготовки и знания языка исследуемого народа оказались выше.

Чтобы иметь полное представление об экспедициях В.Б. Пфафа, познакомимся сначала с их маршрутами.

Первую экспедицию исследователь начал в Алагире и, поднимаясь вверх по течению р. Ардон, он собрал значительный материал по пути следования (Цей-Касара-Нар). Поднявшись по Зругскому ущелью, В.Б. Пфаф через перевал спустился в соседнее Джинатское ущелье. Оттуда он держал путь в Заккинское ущелье. Из Закка перевальным путем Пфаф спустился в Трусовское ущелье и, поработав в селах ущелья, через с. Коб и Военно-Грузинскую дорогу вернулся во Владикавказ.

Вторая экспедиция состоялась в том же году по маршруту Владикавказ – Куртатинское ущелье (вверх по течению реки) – ущелье Гизельдона – Военно-Осетинская дорога – Владикавказ.

Третья экспедиция началась в Тифлисе и продолжилась через Мухраны вверх по течению р. Ксан до с. Баджин. Далее ученый последовал по маршруту: Кельское озеро – Баджин – перевалом в ущелье р. Малая Лиахва – Ципор – Бендер – села бассейна р. Меджуда – Гори – вверх по течению р. Большая Лиахва – Едис – Эрман – вновь Кельское озеро (теперь с юга) – Рук – Джава – Кударское ущелье (по бассейну р. Паца) – Часавал – Они – через перевал в Мамисонское ущелье – Касарская теснина – Алагир – Пятигорск – Нальчик – Алагир – Дигорское ущелье – Садонский перевал – Владикавказ – Тифлис.

Совершая экспедиционные поездки по высокогорной Северной Осетии уже в 60-70-х годах двадцатого столетия, частично по маршрутам В. Б. Пфафа, мы испытывали массу неудобств, нередко рисковали жизнью. Можно представить, во сколько раз эти перевальные тропы было опаснее преодолевать во времена Пфафа! Судя по дневниковым записям исследователя, он с риском для жизни переходил через перевалы Главного Кавказского хребта. Трудно назвать другого ученого и путешественника, которому бы удалось с такой тщательностью произвести сбор этнографических сведений в высокогорных ущельях Осетии, в которые до и многие десятилетия после него никто не поднимался.

Экспедиционные маршруты были труднейшими и в такой же степени интересными, но не по ним судить о вкладе ученого в науку. Все зависит от того, насколько рационально использовано время для сбора полевого материала. Надо отдать должное Вальдемару Борисовичу – он использовал его с максимальной пользой для выполнения поставленной перед собой цели. Сказалась и тщательная предварительно подготовка.

Во-первых, как отмечено выше, ко времени начала экспедиции В. Б. Пфаф посчитал необходимым ознакомиться с литературой об осетинах, ибо, как он писал, «для собирания подлинных сведений и для скорого понимания и освоения себе ответов, равно как и для самой постановки вопросов, необходимо иметь сведения о сравнительной истории и теории права вообще» [1, 132].

Во-вторых, задумав экспедиционные поездки по Осетии, В. Б. Пфаф взялся за осетинский язык, чтобы ориентироваться в нем. И ему удалось овладеть небольшим запасом осетинских слов, чтобы тем самым иметь возможность некоторым образом проверять записываемые через переводчика материалы.

Оказавшись в этнографическом поле, В. Б. Пфаф интересовался всем. С интересом читаются страницы, где он описывает природно-географические особенности края. Как человек, впервые побывавший

на Кавказе в объятиях горных вершин, он восторгается природой, особенно горами, говорит о них в превосходной степени («высочайшие», «великолепные» и т.д.). В. Б. Пфаф оставил подробное описание святилища Реком, ознакомился с его священными реликвиями. Он записывает легенды и сказания, характерный быт рабочих Алагирского завода. Интересны его впечатления о сопровождающих его лицах, о своих кунаках – хозяевах, о приключениях, произошедших с ним на перевальных тропах, о местных жителях, которые в целом произвели на него приятное впечатление. Во время пребывания в Зругском ущелье он писал: «Сошелся с ними, даже вместе с ними распевал осетинскую песню». Но в путевых заметках есть и критические, пренебрежительные нотки, философские размышления о пороках человеческих. Любаясь, как пасутся животные на альпийской природе, он пишет: «Смотря на этих лошадей, смотря как стадо овец, мирно, дружно и счастливо пасущихся одна подле другой, я нашел, что люди, хотя и едят свой хлеб в поте лица, но зараженные адскою силою эгоизма, употребляют во зло закон самосохранения, и никак не стоят выше хоть бы этих животных» [1, 152].

Не вызывает сомнения, что профессионально В. Б. Пфаф был готов к полевой, экспедиционной работе. По его просьбе в с. Салугардан собрали судей и знатоков народного судопроизводства осетин. И записывая от них сведения, исследователь, по его собственным словам, «отбрасывал в сторону весь тот сообщенный материал, который мог иметь своим источником некоторое поверхностное знакомство рассказчика с основными началами русского права». «Во время своих путешествий по осетинским ущельям, – писал он, – нужно быть осторожным в записывании таких сведений, которые получаются от лиц хотя осетинского происхождения, но живших или служивших некоторое время в России. Совершенно подлинные сведения получаются обыкновенно от таких лиц, которые вовсе не знают русского языка» [1, 131-132].

Материалы, записанные В. Б. Пфафом,

имели исключительную ценность и потому, что это было время после присоединения Осетии к России, когда еще не произошло массовое переселение горцев на равнину и патриархально-родовой уклад осетин-горцев оставался еще практически не тронутым цивилизацией. «Вообще в кругу своего семейства или рода, – писал В.Б. Пфаф, – патриархальный человек ведет жизнь святого, жизнь совершенно безукоризненную, даже лучше людей в семье высоко-цивилизованного общества» [4, 182]. Ученый понимал, что патриархальный уклад в первозданной форме сохранился лишь в отдаленных аулах, а не в селах, расположенных вдоль трасс и дорог, прекрасно осознавал, что «материал полевой важно собирать в аулах отдаленных от больших дорог – там дети еще остаются со своими родителями». Как опытный этнограф-профессионал он проверял и сопоставлял записанный в одном ущелье материал с аналогичным материалом в другом: «В многочисленных собраниях стариков, – писал Пфаф, – я имел случай проверить собранный уже прежде материал и прибавить к нему новый».

Особенно усердно он собирал материал по обычному праву осетин. Выводы, к которым исследователь приходит по правовым и другим вопросам, были весьма значимы. В своей работе он учитывал и то, что «в Осетии каждый аул имеет свое особенное право, и весь собранный материал не представлял ценности без обобщения». И «только сравнивая между собою права многих аулов, – писал он, – я дошел до общих начал, изложенных подробно в настоящем труде» («Народное право осетин». – Л. Ч.).

Плодом энергичных исследовательских изысканий ученого было обогащение кавказоведения новым ценным и уникальным материалом. Как правильно писал выдающийся ученый-этнограф М.О. Косвен, «в истории этнографического кавказоведения и осетиноведения ему (В.Б. Пфафу. – Л. Ч.) принадлежит видное место. Пфаф дал новый и конкретный материал по истории и этнографии осетин, он первый поставил вопрос об осетинском феодализме и сде-

жал попытку систематизированного изложения обычного права одного из народов Кавказа». Особой заслугой В.Б. Пфафа Марк Осипович считал то, что он «дал первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику родовых форм и отношений родового права у осетин, в частности констатировал наличие у них семейной общины» [5, 261-262]. Маститый ученый прав. В действительности труды В.Б. Пфафа явились первым систематизированным сводом исторических сведений об осетинах. Кроме своего познавательного значения они сыграли позитивную роль в деле повышения интереса к изучению древней истории осетинского народа. При этом, характеризуя родовые отношения, он вовсе не игнорировал существование у осетин сословно-классовых отношений.

В результате обобщения собранного материала В.Б. Пфаф стал автором трех крупных исследований по осетинам.

В «Материалах по древней истории осетин» содержатся ценные сведения о хозяйстве, материальной культуре и семейном быте народа. В них В.Б. Пфаф много внимания уделяет вопросам феодализма, который он считал универсальным этапом в развитии всего человечества. Однако характеристика осетинского феодализма, существовавшего, по мнению автора, с XI по XV века, весьма примитивна и наивна как с исторической, так и теоретической точки зрения [6; 7].

Второй его труд – «Народное право осетин». Основанная на изучении судебных дел, на расспросах людей и на материалах, собранных лично, работа эта посвящена вопросам права – материального, гражданского, уголовного и процессуального. Этот первый в литературе опыт изучения народного права осетин считается классической в этнографии и юриспруденции. В приложении к труду автор помещает чрезвычайно важный циркуляр владикавказского городского головы небезызвестного Муссы Кундухова об уничтожении вредных обычаяев и обрядов. Некоторые пункты этого документа не теряют своей значимости и по настоящее время [4; 8].

И, наконец, третья крупная осетиноведческая работа В. Б. Пфафа – «Этнологические исследования об осетинах» – посвящена вопросам происхождения осетин и их древнейшей истории; здесь же дается и общая этнографическая характеристика осетин: занятия, материальная и духовная культура, религиозные верования и др. [9]

Ценнейший исторический и этнографический материал содержится в отдельно изданных ученым дневниковых записях о путешествиях, совершенных им по Северной и Южной Осетии.

Перечисленные труды В. Б. Пфафа, наряду с большими достижениями, содержат недостатки и ошибки, местами грубые. Прав ученый, когда говорит о генетической связи осетин с ираноязычными сарматами, но заблуждается, когда утверждает, что осетины никогда не были чистыми сарматами, что они еще в более древние времена перемешались со многими другими племенами и что «в этнологическом отношении осетины представляют странную, и поэтому в высшей степени интересную смесь еврейских и мидо-персидских элементов», которых он почему-то окрестил осами или нартами. Концепция будто бы правильная – осетины не противопоставляются аланам, не отрицается переселение ираноязычных племен волнами на Северный Кавказ, но рассуждения о смешении их с еврейскими народностями совершенно безосновательны. Кроме неправильной трактовки происхождения осетинского народа, в числе недостатков трудов Пфафа Б. А. Калоев отмечал как отсутствие сравнительного материала, так и ошибочные взгляды на эпос [10, 5, 10]. Эти заблуждения Пфафа были подвергнуты справедливой критике еще современниками.

Между тем с пониманием следует относиться к недостаткам трудов ученого, и вот почему.

Как правильно пишет Пфаф, ко времени его приезда во Владикавказ исследование вопросов «происхождения кавказских наречий находился еще совершенно во мраке неизвестности» [4, 180]. Говоря о недостаточной разработанности истории

и этнографии осетин, Пфаф подчеркнул, «что наука относительно Кавказа находится еще на первом периоде младенчества» [4, 179]. В действительности уровень исторической науки во времена Пфафа был еще достаточно невысок, а вопросы этногенеза осетин – на стадии гипотез, к которым Пфаф добавил и свою версию. В этих условиях чужестранцу за непродолжительное время верно сориентироваться во всех узловых проблемах осетинской истории было практически невозможно. Промахи Пфафа по истории осетинского народа были исправлены последующими учеными, и в итоге недостатки, присущие его трудам, не причинили серьезного урона научному осетиноведению.

Несмотря на погрешности, труды Вальдемара Пфафа по осетиноведению имеют непреходящее значение для науки и культуры. Они долго оказывали влияние на поколения исследователей истории средневековой Осетии, ибо Пфаф был первым в научной литературе, кто дал разностороннюю историко-этнографическую характеристику осетинского народа. При этом он заинтересовался осетинами в тот период, когда научное изучение нашего народа только начиналось, и он по существу распахивал целину. Поэтому, давая оценку трудам Пфафа, необходимо акцентировать внимание не на их недостатках: низкий уровень научного кавказоведения в эпоху Пфафа никого не мог застраховать от ошибок и неточностей.

В связи с тем, что в основу настоящих II Миллеровских чтений положены проблемы фольклористики, весьма важно подчеркнуть, что в своих осетиноведческих трудах Пфаф пустил в научный оборот материалы устного народного творчества: легенды, предания, сказки.

Следует и особо отметить, что Пфаф был одним из первых собирателей нартовских сказаний осетин. Относительно происхождения эпоса он также допускал необоснованные суждения, считал нартов реально существующим народом, первоначально поживавшим на юге Каспийского побережья, и отождествлял их с про-

живавшим там народом – мардами. По его мнению, со временем нарты перебрались на Кавказ, покорили местные племена и тем положили начало осетинам как этносу. В итоге нарты Пфафа погибли в борьбе с местными племенами. Конечно же, все это наивные суждения, заблуждения, далекие от истины.

Вместе с тем представляют чрезвычайный интерес мысли Пфафа о нартовских сказаниях. Иноземец, только что познакомившись с нартовскими сказаниями осетин, моментально осознал их значимость и дал им высокую оценку. Он лестно отзывался о сказителях нартовских сказаний, называя их «великими осетинскими поэтами и мыслителями» [4, 17]. Относительно будущности осетинской нации он был настроен пессимистически (называл осетин народом, переживающим последние дни своего существования). Эти строки неприятны для слуха нашего, но они были высказаны в связи с судьбой нартовских сказаний, по существу он трубил: «скорей, скорей, чтобы успеть еще их записать». При этом Пфаф подкрепляет свои опасения словами сказителя Ельбыздыко Жантиева: «Я многое уже забыл, вообще мы учимся теперь от русских и скоро забудем наши песни и предания» [4, 175.]. В примечании к записанному им сказанию о Батрадзе Пфаф писал: «Много еще древнейших и важнейших сказаний, например о Хамыце, о Созырыко и других поются теперь уже так редко и так отрывочно, что трудно разгадать их смысл и определить их историческое и литературное значение. Эти отрывки в скором времени исчезнут совсем, и если не собрать их теперь, то через какие-нибудь 5, 10 лет не будет о них и слуха. Эта была бы для науки **потеря огромная и безвозвратная** (выделено мной. – Л. Ч.). Для многих других проектов и исследований по описанию Кавказа время терпит... Но по вопросу о соби-

рании кавказских исторических сказок и преданий решительно *periculum in mora*» [4, 175]. Я далек от мнения, что этот крик души, призыв, напоминающий колокольный звон, не был услышан В.Ф. Миллером, братьями Шанаевыми, А. Кайтмазовым и другими представителями первой плеяды народной интеллигенции, а десятилетия спустя – членами Осетинского Историко-филологического общества (Северная Осетия) и Научно-литературного общества (Южная Осетия) и не вдохновил их на сбор и сохранение для нашей истории нартовских сказаний – этой подлинной жемчужины народного творчества.

Вальдемар Пфаф прекрасно осознавал, что вопросы осетинской истории, этнографии, фольклора, народного права, исследованием которых он занимался, весьма объемны и требуют еще более углубленного и основательного изучения, которое не в его силах. «Я далеко от мысли, – писал он, – брать науку об Осетии на одного себя, как бы в открытое содержание, напротив, я очень рад тому, если найдутся еще другие, быть может умнее и даровитее меня, для разработки этих обширных вопросов» [4, 158]. Пфаф оказался прозорлив в своих суждениях относительно последователей, которые бы оказались умнее и даровитее его и которым оказалось по плечу (разумеется не без помощи трудов Пфафа) изучение широкого круга проблем научного осетиноведения. К счастью, для появления таких последователей не потребовалось много времени. Вышеприведенные слова В.Б. Пфафа датированы 1871 годом, а спустя лишь пять лет в Осетию прибыл выдающийся русский ученый, совершивший революцию в научном осетиноведении. Имя этого человека и ученого – Всеволод Федорович Миллер, в ознаменование выдающихся научных заслуг которого стало традицией проведение Всероссийских Миллеровских чтений на базе СОИГСИ.

-
1. *Пфаф В. Б.* Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе (далее – ССК). 1871. Т. I.
 2. *Пфаф В. Б.* Описание путешествия в Южную Осетию, Рачу, Большую Кабарду и Дигорию // ССК. 1872. Т. II.
 3. *Пфаф В. Б.* Поездка по ущельям Среднего Кавказа и другие местности // Терские ведомости. 1871. № 36.
 4. *Пфаф В. Б.* Народное право осетин // ССК. 1871. Т. I.
 5. *Косвен М. О.* Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. II.
 6. *Пфаф В. Б.* Материалы по древней истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). 1870. Вып. IV.
 7. *Пфаф В. Б.* Материалы по древней истории осетин // ССКГ. 1871. Вып. V.
 8. *Пфаф В. Б.* Народное право осетин (окончание) // ССК. 1872. Т. II.
 9. *Пфаф В. Б.* Этнологическое исследование об осетинах // ССКГ. 1872. Вып. II.
 10. *Калоев Б. А.* Осетины. – Изд. 3-е. М., 2004.